

УДК 11(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.019

Влияние метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философии Н. А. Бердяева

Шумской Андрей Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Уральский государственный университет физической культуры,
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0001-9765-8754. E-mail: shav.82@mail.ru

Аннотация. Автор ставит проблему влияния метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философского мировоззрения выдающегося русского философа Николая Бердяева. Актуальность проводимого автором исследования обусловлена слабой степенью разработки среди отечественных и зарубежных историков философии проблемы влияния философии Иммануила Канта на философское творчество Н. Бердяева. Влияние кантовского типа мысли на становление и развитие философского мирозерцания Н. Бердяева до сих пор слабо изучено и почти не затрагивалось исследователями его творчества. Цель исследования состояла в том, чтобы реконструировать рецепцию и понимание Н. Бердяевым сущности и характера метафизики Канта, его типа мысли. Автор стремился показать решающее влияние Канта на формирование Бердяевым теоретико-методологических оснований собственной метафизики, которая в зрелые годы определялась им как религиозный экзистенциализм. Основными методами исследования проблемы являлись методы реконструкции и анализа, синтеза и обобщения, герменевтический подход как философский метод понимания текстов. Хронологические рамки исследования проблемы охватывают период творчества Н. Бердяева с 1910-х по конец 1920-х гг. Показано, что Бердяев относился к философии Канта как важнейшему экзистенциальному событию в истории развития западного духа. В статье сделан вывод, что Бердяев положительно относился к критическому методу Канта, видел в его применении основной метод развенчания иллюзий традиционной метафизики и онтологии. Полученные результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе изучения русской религиозной философии и философского наследия Николая Бердяева.

Ключевые слова: Иммануил Кант, критическая гносеология, Николай Бердяев, метафизика, бытие, рационализм, трансцендентальное сознание, экзистенциальная философия.

Введение. Философское творчество Н. Бердяева, выдающегося представителя русского экзистенциализма и христианского персонализма, оставило значительный след в мировой философии. Духовные и идейные истоки его философского мировоззрения многообразны, и были связаны как с влиянием на него видных философов Запада, так и с выдающимися представителями русской философии и литературы XIX в. Среди западных философов наибольшее влияние на Николая Бердяева оказал Кант, которого он ценил с молодых лет. Обращение к кантианству для Бердяева было важнейшим источником развития собственной философской мысли, мировоззрения в целом. Философию Канта он относил к типу философии свободы, но не до конца развитой. Из всех немецких философов ближе к свободе стоял именно Кант, так как его философия не была монистической [6, с. 498]. Сам Бердяев был верен философии свободы на протяжении всего своего творчества, причем в кантовском ее понимании и постановке [13, с. 909]. Впоследствии Бердяев развил метафизику свободы Канта в экзистенциалистском христианском ключе. Актуальность исследования определяется слабой степенью разработки среди отечественных и зарубежных историков философии проблемы влияния философии Иммануила Канта на философское творчество Н. Бердяева. В связи с этим представляется важным обращение к проблеме реконструкции представлений Бердяева о характере метафизики Канта, интерпретации им его основных идей, влияния Канта на тип философской мысли Бердяева. Хронологические рамки статьи охватывают период творчества Бердяева с 1910-х по конец 1920-х гг., когда он уже твердо стоял на почве религиозной философии и прошел период увлечения критическим марксизмом и идеализмом. Проблема влияния Канта на русскую философскую мысль ставилась не раз отечественными и зарубежными исследователями [11; 14; 20], в то время как проблема влияния Канта на философию Бердяева затрагивалась лишь косвенно в немногочисленных публикациях и по настоящее время еще слабо изучена. Так, М. Силантьева предприняла попытку сравнить трансцендентальную диа-

лектику Канта и экзистенциальную диалектику Бердяева. Автор совершенно обоснованно отмечает критическое усвоение и развитие Бердяевым кантовского трансцендентализма в сторону новой метафизики свободы [17]. Польский исследователь Я. Красицки затронул проблему правды-истины в философии Н. Бердяева в широком историко-философском контексте, а также в отношении к ключевым проблемам философии И. Канта, а также проблему отношения Бердяева к неокантианству [15; 19]. Монографии и диссертации, посвященные проблеме влияния Канта на творчество Н. Бердяева, на сегодняшний день отсутствуют. В связи с этим представляется важным и актуальным обратиться к данной проблеме, которая позволит прояснить истоки формирования философского мышления Бердяева, тип его философского сознания.

Метафизика и гносеология Канта в критической интерпретации Бердяева. Общая оценка Бердяевым философии Канта была с самого начала двойственной. С одной стороны, Канта он считал величайшим из мыслителей в истории западной философии, симптоматично отразившим дух новой эпохи. С другой стороны, мысль Канта представлялась ему слишком наукообразной, дискурсивной и сложной. Бердяев очень рано прошел и усвоил школу Канта, но никогда не считал себя кантианцем в строгом смысле этого слова. Влияние Канта он чувствовал всю свою творческую жизнь. Более всего Бердяева потрясло в Канте его учение о различении порядка природы и порядка свободы, мира ноуменального и мира феноменального, гуманистический дух его этики. По мнению Бердяева, Канту не удалось развить своей метафизики, особенно в области практического разума. В метафизике Канта Бердяеву изначально были чужды его этический формализм, моралистическое истолкование религии, трансцендентность вещей в себе, их непознаваемость, невозможность духовного опыта относительно мира ноуменального, стремление к наукообразности [1, с. 445].

Кант для Бердяева был отправной точкой в теории познания. Развивая гносеологию Канта, Бердяев пришел к своей оригинальной теории познания. Ее суть состояла в критике рационализма, рационализации бытия. Бытие есть конструкт логического мышления, понятие и продукт мысли. До процесса рационализации человек имеет дело с первичным и подлинным бытием, не познаваемым через понятие. Первичный мир соответствует кантовской вещи в себе, тогда как философская категория бытия есть мир явлений. Больше всего Бердяев удивлялся тому, что Кант совсем не объяснил причины непознаваемости мира вещей в себе и открытости для познания только мира явлений [1, с. 447]. Особо гениальным Бердяеву казалось учение Канта о трансцендентной иллюзии разума (Schein).

Бердяев признавал огромные заслуги Канта в области критики старой натуралистической метафизики. Но Кант вместе с тем свидетельствовал о серьезной болезни в бытии человечества – болезни рационализма. Философия Канта имманентно выражала роковой разрыв человека с корнями и истоками бытия. Рационализм Канта подрывал живое и непосредственное мироощущение человека, которое составляет основу христианского мировоззрения. Согласно Бердяеву, кантианство несовместимо с верой в Воскресение Христа и христианской эсхатологией [7, с. 223]. Идущий путем Канта неизбежно жертвует христианским реализмом. Кант как бы закупоривает человеческое сознание в сфере рассудка и мышления. Для Бердяева кантианство являлось продуктом развития протестантизма. Кант был продолжателем дела Лютера, но только в области философии. Тип мысли Канта был тесно связан с протестантизмом. Кант мыслил в рамках протестантской парадигмы и именно поэтому приходит к религии в пределах разума. В философии Канта человек оказывается оторванным от божественной глубины реальности, от бытия духовного. Рассудок и рефлексия становятся как бы сферой бытия человека [7, с. 232]. Германская философия после Канта попыталась пробиться к бытию, но породила ложный идеалистический объективизм.

Протестантизм породил крайне отвлеченную духовность, которая полностью воплотилась в философии Канта. Кант жестко поставил бытие в зависимость от познающего субъекта и его рациональных категорий. Выход из подобного тупика Бердяев видел в переходе к мистической философии, которая исходит не из отвлеченного рассудка, а из органического разума, которому только и открывается глубина реальности. Соединение с реальностью возможно лишь через цельную жизнь духа, то есть разум органический [7, с. 225].

Кант не видит в познании брачной тайны, тайны соединения человека с бытием, отрывает познавательный акт от самой жизни. Между тем истинный смысл познания для Бердяева есть брак познающего с бытием. Критическое мышление Канта как бы отрывается от живого питания и корней бытия, приходит к упразднению бытия и иллюзионизму [7, с. 240]. По-

добного взгляда придерживался и русский философ Е. Трубецкой, который полагал, что метафизика Канта содержала в себе предпосылки иллюзионизма [18, с. 9]. В этом Бердяев видит коренной грех кантианства. Для Бердяева мышление есть бытие, познание есть жизнь и акт, имманентный самой жизни. Субъект и объект принадлежат бытию, тождественны ему. Если в молодые годы Бердяев склонялся к тезису первичности бытия и был еще не вполне свободен от онтологизма, то уже в зрелые годы он намечает полный разрыв с онтологической философией и приходит к тезису примата свободы над бытием.

Новая гносеология в понимании Бердяева должна избежать ошибки смешения первичного и вторичного сознания. Первичное сознание есть живой опыт реальности до ее рационализации. Сущее дано первичному сознанию интуитивно и непосредственно. Сознание вторичное впадает в рационализацию бытия, ему открывается лишь мир объектов [7, с. 254]. Основной гносеологический предрассудок Канта Бердяев связывал с дроблением познания как целостного акта, отождествлением его с рационализацией и дискурсивным мышлением. Все, что находится по ту сторону рассудка, у Канта объявляется химерой и диалектической видимостью разума. Оправдывается лишь та область бытия, которая дана в эмпирическом опыте, и может быть, объективирована и доступна для рассудка. По мнению же Бердяева, Логос и смысл мира могут быть даны в познании только на уровне первичного сознания [7, с. 255].

Основной факт гносеологии, по мнению Бердяева, состоит в том, что познание антропоцентрично, познает конкретный человек, а не «сознание вообще», или, по терминологии Канта, трансцендентальное сознание [7, с. 256]. При этом истинное познание ничего общего не имеет с психологизмом и антропологизмом. Истина достижима лишь на путях космической церковной гносеологии, она раскрывается на почве соборного, а не индивидуального сознания. Соборное сознание не тождественно трансцендентальному сознанию Канта. Его сущность Бердяев видит в действии Духа Божьего, Логоса в философском познании. Приобщение к Божественному Логосу есть благодатное познание внутри церкви как мистического вселенского организма. Большой разум Бердяев называет разумом соборным. Церковно-соборное сознание находится вне сферы объективирования и рационализации бытия, разделения на субъект и объект [7, с. 257]. Сущее дано не рассудочному и индивидуальному сознанию, а лишь церковному и соборному. Живое бытие нельзя вывести из рассудка, оно интуитивно, дано изначально, из него можно только изойти. Дискурсивное мышление не знает путей к бытию, оно лишь конструирует бытие, превращает его в категорию рассудка. Рационалистическое сознание есть болезненное состояние самого бытия, распадение на субъект и объект [7, с. 261].

Ошибка гносеологии Канта, согласно Бердяеву, заключалась в том, что субъект познания и сам познавательный акт изначально противопоставляются бытию. Точка зрения Николая Бердяева состояла в том, что акт познания происходит с самим бытием, осуществляется в его недрах. Сущность познания заключается в творческом приросте бытия, его совершенствовании и развитии, осуществлении ценностей. Акт познания есть творческое просветление самого бытия, самопознание, к которому приобщается конкретный человек. При этом познание не утрачивает конкретного личностного характера. Таким образом, кантовскому трансцендентальному сознанию в гносеологии Бердяев противопоставил творческий мистический реализм, суть которого заключается в том, что истина достижима лишь в церковном соборном сознании и разуме и не может быть достоянием ни автономного разума, ни универсального трансцендентального сознания [7, с. 262]. Для церковного сознания субъект и объект тождественны в духе мистического панонтологизма. Деятельность Логоса, то есть соборного разума, есть осмысливание и просветление бытия, солнечное овладение бытием [7, с. 263].

Путь, которым следует идти, Бердяев определяет как критический сознательный творческий догматизм [7, с. 273]. На этом пути гносеологический критицизм, эмпиризм и рационализм должны быть преодолены и отброшены, потому что находятся в сфере объективации и вторичного рационализированного сознания. Кант самой постановкой вопроса о возможности опыта, который имеет дело с материалом познания и его последующей обработкой рассудком, отделяет субъекта от объекта, мышление от бытия. Опыт Канта не первичный, а рационально конструированный, в нем уже не присутствует живое бытие, а даны лишь явления. Критическая философия Канта была основана на рассечении целостного познавательного акта. Для Бердяева тайна жизни познания заключается в том, что акт познания протекает в недрах самой жизни.

Кант, по мнению Бердяева, ошибался, когда пытался в своей критической философии окончательно преодолеть догматизм. Сам Кант признавал необходимость догматического

метода разума в чистом познании, но к догматизму как определенному типу философствования относился отрицательно, по той причине, что без критики способности самого чистого разума невозможно в познании продвигаться вперед, расширять сферу знания [12, с. 44]. Априоризм Канта был порождением отвлеченного мышления. Бердяев исходил из того, что догматизм неустраним из познавательного акта, сама жизнь познания догматична [7, с. 281]. Выход из того кризиса, в который зашла новоевропейская метафизика, Бердяев видел в преодолении рационалистической субъект-объектной философской парадигмы, обращении к живому духовному опыту в познании. Новая метафизика должна удержать критический дух философии Канта, стремление к тождеству Шеллинга, но прокладывать себе путь через соборный христианский опыт, мистическую Церковь. Наивность старой философии должна быть отброшена. Новая философия должна базироваться на гносеологическом мистическом реализме, одинаково противоположном рационализму, эмпиризму и критицизму [7, с. 282]. Мышление, противопоставляемое бытию, есть продукт рационалистической рефлексии. Существование субъекта и мышления вне бытия есть иллюзия рационализма. Первоначально же дано только живое бытие и отношения внутри него.

Роль Канта в судьбе германской метафизики в интерпретации Бердяева. Немецкая метафизика нового времени в представлении Бердяева – явление исключительное и симптоматичное, корнями уходящее в дух германской мистики. Откровением немецких мистиков стала истина о волюнтаризме, темных истоках бытия. Гносеологический рационализм немецкого идеализма был обратной стороной иррационалистического волюнтаризма германской мистики. В нем исчезает тайна индивидуальной жизни. Так, бытие у Канта оказывается конструкцией трансцендентального сознания. Именно в немецкой метафизике нового времени трагедия познания достигает своей остроты. Кант стал выразителем двух тенденций. С одной стороны, его учение об практическом разуме, воле и царстве свободы явилось выражением и рационалистическим истолкованием волюнтаризма, утверждением религии в пределах разума. С другой стороны, в философии Канта рельефно отображалась имманентная трагедия познания, связанная с прохождением через смерть как неизбежный момент развития духа, погружением в автономность субъекта познания. Трагедия познания в европейской метафизике нового времени была экзистенциальной необратимой трагедией, свидетельствующей о процессе секуляризации в познании, «снятии» трансцендентной санкции с познания, вступлении на путь имманентного познания и испытания свободой. Такова, по мнению Бердяева, была судьба европейской философии. Возврат в докантовский метафизический догматизм после критической философии Канта был уже непродуктивен.

Германская философия всегда стремилась к онтологизму и была охвачена метафизическим духом. Философия Канта в своей сущности была также пронизана метафизическим мотивом, который очень заметен в «Критике практического разума». В учении Канта о практическом разуме волюнтаризм является ключевым и фундаментальным метафизическим основоположением. Бердяев полагал, что учение о волюнтаризме в германской метафизике приобрело односторонний характер. Немецким философам не удалось развить учение о волюнтаризме и пойти дальше. Метафизика после Канта породила лишь идеалистический объективизм и уклонилась в сторону монистической философии. Она больше не удовлетворялась целостностью священного знания докантовской метафизики.

Философия Канта, по мнению Бердяева, была двойственной – статически она принадлежит к трансцендентному типу мысли, но динамически – выражает трагедию познания [3, с. 305]. В этом Николай Александрович видел основной смысл кантианства. Поэтому Кант в истории западной метафизики закладывает новую философскую парадигму субъекта, а не объекта, намечает движение от наивного реализма и благополучия натуралистической онтологии с ее тождеством познающего субъекта и познаваемого объекта к критической метафизике. Кант был более «прогрессивен» в философском отношении по сравнению со своими предшественниками. Однако останавливаться на кантовской философии, по мнению Бердяева, неверно, из Канта надо исходить и двигаться дальше. Философское познание есть неотвратимый и судьбоносный процесс развития духа в сторону секуляризации познания, снятия со знания ореола священности и трансцендентной санкции [7, с. 305]. После Канта философская мысль вступает на имманентный путь познания, который приводит к трагедии в познании. Познающий субъект теряет живую связь с бытием, происходит грехопадение, то есть отпадение от первоначальной цельности. Учение Канта о непознаваемой вещи в себе символизировало онтологический разрыв человека с глубиной бытия. Кант через критику

трансцендентной натуралистической метафизики намечает поворот к имманентной метафизике и вместе с тем создает непроходимую пропасть между миром вещей в себе и миром явлений. Бердяев полагал, что из философии Канта должен быть найден имманентный выход к новой метафизике, преодолевающей онтологический разрыв между субъектом познания и бытием. Метафизика Канта заключала в себе лишь частичную истину.

Германская метафизика после Канта развивалась в ложном направлении монизма, неблагоприятном для апологетики христианского персонализма и экзистенциализма. Неокантианство, возникшее после Канта, затемнило и исказило великое открытие Канта, закрыло его главную метафизическую идею различения вещи в себе и явления. Открытие Канта должно быть по-новому реабилитировано [8, с. 7]. Германская мистика породила великую немецкую философию, но одностороннюю и ограниченную. Высшим откровением германской метафизики становится имманентизм, последовавший после Канта. Для Бердяева имманентизм означает мистическое и религиозное взросление человека. Кант менее всего был выразителем имманентной философии. Он еще был полон пафоса философии трансцендентного типа, что выражалось главным образом в его учении о непознаваемости ноумена и религии только в пределах разума [7, с. 307].

Обратной стороной трансцендентизма Канта было его стремление к научности и позитивизму. Кант был очень зависим от математического естествознания, что ограничивало его философское творчество [10, с. 53]. Творческая философия в представлении Бердяева может быть только догматической и цельной философией, а не критической, скептической и раздвоенной. Творческий догматизм достижим только через творческий акт духа, в то время как критическая рефлексия лишает познавательный акт творческой мощи.

Бердяев полагал, что Кант в своей критической философии очень точно отобразил подзаконную и ветхозаветную природу рационального критического познания. Сознание человека уже не дерзает на творческие акты, оно становится послушным законам и нормам трансцендентального сознания. Общеобязательное послушание трансцендентальным нормам и законам означает пребывание человека в состоянии грехопадения, его подчиненность последствиям греха, то есть необходимости и объективации. Выход из подобного экзистенциального состояния Бердяев видит в творчестве нового бытия. Критическая философия с ее гносеологическими категориями символизировала приспособление к падшему бытию, она соответствовала поработанному состоянию человека. Сознание Канта выражает еще состояние дотворческой эпохи, ему была чужда творческая мораль. Критическая философия есть отражение падшести бытия, но она также необходима, как и государство с его судебной системой и полицией для поработанного грехом человека [10, с. 103–104].

В Канте намечается окончание творческого духа Ренессанса. Пафос Канта уже не выражает радости познания, а становится рефлектирующим сознанием и нуждается в юридическом оправдании. Кант своей критической рефлексией и сомнением подрывает веру в безграничную познавательную мощь человека, что впоследствии особенно в неокантианстве привело к имперсонализму, сциентизму и вытеснению антропологизма в познании [9, с. 158].

Идея объективации в экзистенциальной философии Бердяева. Основную задачу Бердяев видел в том, чтобы развить метафизику Канта, обосновать принципиальную возможность познания мира ноуменального первичным сознанием до всякой рационализации. Бердяев различал два типа сознания: первичное и вторичное. Первичное сознание изначально погружено в глубину первореальности, в нем дано тождество субъекта и объекта. Вторичное сознание находится в сфере объективации духа, связано с распадом на субъект и объект. Впоследствии отчуждение духа Бердяев трактовал как результат процесса объективации и социализации. Объективный мир возникает как продукт объективации сознания. Объективацию Бердяев отождествлял с грехопадением, отпадением человеческого духа от первореальности. Истина для Бердяева заключается в том, что субъект создан Богом, объект же есть создание субъекта. Используя терминологию Канта, он называет субъекта ноуменом, а объект феноменом [1, с. 447]. Реальность не совпадает со сферой бытия и совсем не тождественна понятию объективности. Она представляет собой прежде всего царство свободы и творческого духа, мир до его рационализации и объективации.

В последние годы Бердяев пришел к отрицанию онтологической философии и разрыву с ней. Онтология имеет дело с объективным бытием как продуктом рационализации, в то время как экзистенциальная метафизика прорывается к свободе и субъекту. Кант открывает возможность экзистенциальной философии, но его мысль не пошла этим путем [4, с. 7]. Свой

тип мысли Бердяев определяет как экзистенциальный. Экзистенциальная философия есть философия субъекта, а не объекта, внутреннего существования, а не бытия, свободы, а не необходимости. Существование непроницаемо для объективированного познания, находится вне распада на субъект и объект [1, с. 124]. Философию, исходящую из субъекта, «я», а не объекта, мира, Бердяев относил к христианскому типу мысли, философии духа и личности.

Основную свою метафизическую идею Бердяев формулировал как примат свободы и духа над бытием. Дух и свобода не есть бытие в том виде, как его понимает классическая рационалистическая онтология. Царство Духа есть реальность свободы, творчества и общения в любви личностей. Бытие возникает вследствие направленности духа вовне, оно есть царство детерминации и необходимости [1, с. 621]. Идея объективации становится для Бердяева основной. Она состояла в том, что объективная реальность порождается определенной направленностью духа, сознания, отпавшего от первореальности. Объективированный мир Бердяев трактует как определенное состояние реальности, которое может быть изменено. Объект порождается субъектом уже отпавшим от первореальности. Объективация имеет иррациональный источник и связана с грехопадением человека. Категория бытия есть уже продукт объективации мысли. Бердяев, говоря языком Канта, называет бытие трансцендентальной иллюзией. Подлинная реальность есть первожизнь, а не бытие. Первожизнь есть мир свободы и творческого духа, личности, внутреннего существования. Объективность есть порабощение духа, состояние разобщенности и вражды [2, с. 344]. Свою заслугу Бердяев видел в том, что впервые в истории философского познания подошел к проблеме грехопадения и падшести мира с гносеологической точки зрения. В этом он был прямым наследником и продолжателем Канта, значительно продвинув вперед его метафизику. В своей последней работе «Истина и откровение» Бердяев основную идею экзистенциальной философии видел в том, что экзистенции принадлежит примат над эссенцией. Экзистенциальную философию он определяет как философию опыта и свободы. Кант в своем учении о свободе намечает путь к экзистенциальной философии, но не раскрывает ее. Для Бердяева глубина Existenz и есть свобода, а свобода есть Existenz [5, с. 12].

Заключение. Бердяев относился к метафизике Канта сквозь призму христианского персонализма и мистического реализма. Сознание Канта для него хотя и было пронизано элементами христианской культуры, но было очень отклонено от сознания церковного [8, с. 28]. Философия Канта символизировала для Бердяева отрыв человека от глубины бытия и погруженности его в сферу вторичного рационализованного сознания. Положительное значение философии Канта он видел в критическом методе его философствования, развенчании иллюзий традиционной метафизики и онтологии. Вместе с тем мысль Канта развертывалась и осуществлялась в рамках объективированного познания, что для Бердяева являлось большим заблуждением. Кант породил такой тип метафизики, который, с одной стороны, закрывал двери для метафизического познания бытия и духовного опыта, а с другой стороны, открывал перспективу построения подлинной метафизики свободы и духа. Критически усвоив опыт кантовской метафизики, Бердяев уже в 1910–1920-е гг. приходит к своей главной идее, которая состояла в том, чтобы прорвать границы трансцендентального сознания с его незыблемыми и общеобязательными априорными формами и выйти к духовному опыту, экзистенциальной глубине человека.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Мир книги : Литература, 2006. 416 с.
3. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М. : Астрель, 2007. 1179 с.
4. Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. М. : АСТ, 2007. 381 с.
5. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : РХГИ, 1996. 384 с.
6. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 383 с.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. 832 с.
8. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2005. 620 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, 2002. 448 с.
10. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. 678 с.
11. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре : монография. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 311 с.

12. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 1120 с.
13. Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 924 с.
14. Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. 273 с.
15. Красицки Я. Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42). С. 108–127.
16. Нижников С. А. Творчество Иммануила Канта в диалоге культур России и Запада. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 255 с.
17. Силантьева М. В. И. Кант и Н. Бердяев. Диалектика в трех измерениях. Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта : труды международного семинара и международной конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 123–133.
18. Трубецкой Е. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М. : Типография «Русская печатня», 1917. 335 с.
19. Krasicki J. Mikolaj Bierdiajew a neokantyzm // Estetyka i Krytyka. 2012. № 26 (4). S. 223–236.
20. Pozzi V. Kant e l'Ortodossia Russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo. FUP – Collana Premio Istituto Sangalli per la Storia Religiosa. Firenze : FUP, 2017. 218 p.

The influence of Immanuel Kant's Metaphysics on the formation and development of N. A. Berdyaev's philosophy

Shumskoy Andrey Viktorovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences,
Ural State University of Physical Culture.
Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0000-0001-9765-8754. E-mail: shav.82@mail.ru

Abstract. The author poses the problem of the influence of Immanuel Kant's metaphysics on the formation and development of the philosophical worldview of the outstanding Russian philosopher Nikolai Berdyaev. The relevance of the research conducted by the author is due to the weak degree of development among domestic and foreign historians of philosophy of the problem of the influence of Immanuel Kant's philosophy on the philosophical work of N. Berdyaev. The influence of the Kantian type of thought on the formation and development of N. Berdyaev's philosophical worldview has so far been poorly studied and has hardly been touched upon by researchers of his work. The purpose of the study was to reconstruct N. Berdyaev's reception and understanding of the essence and nature of Kant's metaphysics, his type of thought. The author sought to show the decisive influence of Kant on Berdyaev's formation of the theoretical and methodological foundations of his own metaphysics, which in mature years he defined as religious existentialism. The main methods of studying the problem were methods of reconstruction and analysis, synthesis and generalization, hermeneutical approach as a philosophical method of understanding texts. The chronological framework of the study of the problem covers the period of N.'s creativity. Berdyaev from the 1910s to the end of the 1920s. It is shown that Berdyaev treated Kant's philosophy as the most important existential event in the history of the development of the Western spirit. The article concludes that Berdyaev had a positive attitude to Kant's critical method, saw in its application the main method of debunking the illusions of traditional metaphysics and ontology. The results of the research can be used in the process of studying Russian religious philosophy and the philosophical heritage of Nikolai Berdyaev.

Keywords: Immanuel Kant, critical epistemology, Nikolai Berdyaev, metaphysics, being, rationalism, transcendental consciousness, existential philosophy.

References

1. Berdyaev N. A. *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of works]. SPb. Azbuka; Azbuka-Atticus. 2016. 672 p.
2. Berdyaev N. A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (The experience of philosophical autobiography)]. M. The world of books: Literature. 2006. 416 p.
3. Berdyaev N. A. *Padenie svyashchennogo russkogo carstva: Publicistika 1914–1922* [The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914–1922]. M. Astrel. 2007. 1179 p.
4. Berdyaev N. A. *Duh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoj duhovnosti* [Spirit and Reality. Fundamentals of God-human spirituality]. M. AST. 2007. 381 p.
5. Berdyaev N. A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. SPb. RHGI. 1996. 384 p.
6. Berdyaev N. A. *Carstvo Duha i carstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. M. Respublika (Republic). 1995. 383 p.

7. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. M. Eksmo; SPb. Midgard. 2005. 832 p.
8. Berdyaev N. A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Dialectics of the divine and human]. M. AST; Kharkiv. Folio. 2005. 620 p.
9. Berdyaev N. A. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The meaning of history. New Middle Ages]. M. Canon+. 2002. 448 p.
10. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of justifying a person]. M. AST; Kharkiv. Folio. 2004. 678 p.
11. Kalinnikov L. A. *Kant v russkoj filosofskoj kul'ture : monografiya* [Kant in Russian philosophical culture : monograph]. Kaliningrad. Publishing House of the I. Kant Russian State University. 2005. 311 p.
12. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. M. Eksmo; SPb. Midgard. 2007. 1120 p.
13. Kant: pro et contra. *Receptiya idej nemeckogo filozofa i ih vliyanie na razvitie russkoj filosofskoj tradicii. Antologiya – Kant: pro et contra. Reception of the ideas of the German philosopher and their influence on the development of the Russian philosophical tradition. Anthology.* SPb : Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2005. 924 p.
14. *Kant i filosofiya v Rossii – Kant and philosophy in Russia.* M. Nauka (Science). 1994. 273 p.
15. Krasicki Ya. *Bor'ba za pravdu (Berdyaev, Kant i drugie)* [Struggle for the truth (Berdyaev, Kant and others)] // *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov studies.* 2014. No. 2 (42). Pp. 108–127.
16. Nizhnikov S. A. *Tvorchestvo Immanuila Kanta v dialoge kul'tur Rossii i Zapada* [Creativity of Immanuel Kant in the dialogue of cultures of Russia and the West]. M. Political Encyclopedia. 2015. 255 p.
17. Silant'eva M. V. I. *Kant i N. Berdyaev. Dialektika v trekh izmereniyah. Kant mezhdru Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta : trudy mezhdunarodnogo seminara i mezhdunarodnoj konferencii : v 2 ch. Ch. 1* [I. Kant and N. Berdyaev. Dialectics in three dimensions. The Kant between the West and the East. To the 200th anniversary of the death and the 280th anniversary of the birth of Immanuel Kant : Proceedings of the international seminar and international conference : in 2 parts. Part 1] / ed. by V. N. Bryushinkin. Kaliningrad. Publishing House of the I. Kant Russian State University, 2005. Pp. 123–133.
18. Trubeckoj E. *Metafizicheskie predpolozheniya poznaniya. Opyt preodoleniya Kanta i kantianstva* [Metaphysical assumptions of cognition. The experience of overcoming Kant and Kantianism]. M. Printing house "Russian Printing house". 1917. 335 p.
19. Krasicki J. *Mikolaj Bierdiajew a neokantyzm* // *Estetyka i Krytyka.* 2012. No. 26 (4). Pp. 223–236.
20. Pozzi V. *Kant e l'Ortodossia Russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo.* FUP – Collana Premio Istituto Sangalli per la Storia Religiosa. Firenze : FUP, 2017. 218 p.